

УДК 81'42

DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-2

Воркачев С. Г.

Семантические комплексы в российской антропологической лингвистике: смысловые единства и их составляющие

Кубанский государственный технологический университет
ул. Московская, 2, Краснодар, 350072, Россия
E-mail: svork@mail.ru; vorkachevsergei@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-6290-2582

*Статья поступила 14 февраля 2022 г.; принята 27 апреля 2022 г.;
опубликована 30 июня 2022 г.*

Аннотация. Исследуются представления о семантических бинарных комплексах в российской антропологической лингвистике (лингвокультурологии) и описываются противосмыслы (антиконцепты) высшего уровня абстрактности «несчастье», «несправедливость» и «неблагодарность», которым пока что должного внимания не уделялось. Отмечается отсутствие единства мнений относительно сущности противопоставления членов биннома и относительно понимания смысла и противосмысла, где существуют две основных точки зрения: 1) антиконцепт противостоит концепту по любому признаку; 2) в основе противопоставленности концепта и антиконцепта лежит исключительно аксиологический признак. Также устанавливается, что наиболее значимым отличием несчастья от счастья выступает бóльшая конкретность первого, которая на языковом уровне проявляется в способности лексемы «несчастье» принимать форму множественного числа, невозможную для счастья. Если справедливость – образец абстрактной категории, то её «антипод» – несправедливость вполне конкретна: это некоторое положение вещей. Психологически несправедливость опережает по времени формирования справедливость и, если для абстрактного имени «справедливость» множественное число – это отклонение от нормы, то о конкретности имени «несправедливость» свидетельствует легкость, с которой оно принимает форму множественного числа. «Номинативная плотность» лексических показателей благодарности не особо велика, но она, безусловно, имеет место. В то же самое время неблагодарность никаких других средств выражения кроме производных от основы «неблагодарн-» не имеет. В семантике неблагодарности столько же, если не больше, характеристик, не связанных с общими с благодарностью антонимическими признаками. Таким образом, можно утверждать, что в психологическом плане формирование оппозитивных пар концептов высшего уровня начинается с более конкретного отрицательного противочлена, в то же самое время номинативная плотность средств выражения антиконцепта необязательно превышает номинативную плотность концепта.

Ключевые слова: Семантическое единство; Концепт; Антиконцепт; Оппозиция; Несчастье; Несправедливость; Неблагодарность

Информация для цитирования: Воркачев С. Г. Семантические комплексы в российской антропологической лингвистике: смысловые единства и их составляющие // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8. № 2. С. 24-40. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-2

UDC 81'42

DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-2

Sergey G.Vorkachev

**Semantic complexes in the Russian anthropological linguistics:
semantic entities and their components**

Kuban State Technological University
2, Moskovskaya St., Krasnodar, 350072, Russia
E-mail: svork@mail.ru; vorkachevsergei@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-6290-2582

Received 14 February 2022; accepted 27 April 2022; published 30 June 2022

Abstract. The author examines the notions of semantic binary complexes in Russian anthropological linguistics (linguoculturology) and counter-meanings (anti-concepts) of the highest level of abstractness “unhappiness”, “injustice” and “ungratefulness.” These notions have not yet been given due attention. There is a lack of unity of opinion regarding the essence of the contrasting members of the binomial and regarding the understanding of meaning and antithesis, where there are two main points of view: 1) the anti-concept opposes the concept on any basis; 2) the basis of the opposition of the concept and the anti-concept is exclusively an axiological feature. It is also established that the most significant difference between unhappiness and happiness is the greater specificity of the first, which at the linguistic level is manifested in the ability of the lexeme “neschastje” to take a plural form, which is impossible for “schastje”. If justice is an example of an abstract category, then its “antipode” – injustice is quite concrete: this is a certain state of affairs. Psychologically, injustice is ahead of justice in time of formation, and if for the abstract name “spravedlivost” the plural is a deviation from the norm, then the concreteness of the name “nespravedlivost” is evidenced by the ease with which it takes the form of the plural. The “nominative density” of lexical indicators of gratitude is not particularly high, but it certainly takes place. At the same time, ingratitude has no other means of expression other than those derived from the stem “nespravedliv-“. In the semantics of ingratitude, there are just as many, if not more, characteristics that are not associated with antonymic features common with gratitude. Thus, it can be argued that, psychologically, the formation of opposing pairs of higher-level concepts begins with a more specific negative counterterm, at the same time, the nominative density of the means of expressing the anti-concept does not necessarily exceed the nominative density of the concept.

Keywords: Semantic unity; Concept; Anti-Concept; Opposition; Unhappiness; Injustice; Ingratitude

How to cite: Vorkachev, S. G. (2022). Semantic complexes in the Russian anthropological linguistics: semantic entities and their components, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 8 (2), 24-40. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-2

Введение

«Кризис роста» постсоветского омонима антропологической лингвистики – лингвокультурологии и её ипостаси – лингвоконцептологии, случившийся в начале 2000-тысячных, разрешился путем экспансии её предмета, с одной стороны, «вглубь», когда объектом изучения стали составляющие лингвокультурного концепта

– главным образом, метафорически-образная, а, с другой, – «вширь», когда таким объектом стали множества различных смысловых образований – концептуальные поля, гипер-, сверх- и макроконцепты (Воркачев, 2011: 69–70). Особый исследовательский интерес в области множественных смысловых комплексов, как представляется, вызывают

семантические биномы – концептуальные пары, получающие имя «бинарных концептов», «сопряженных концептов», «сопряженных категорий», «концептуальной диады», «семантического единства», «ментальной структуры», «концептуальной оппозиции», «составляющих лингвокультурной идеи» либо не получающие специального названия.

Теоретический обзор

В состав концептуальных пар иногда входят близкие или даже смежные по смыслу семантические образования, такие как, например, зависть и ревность (Несветайлова, 2012), скромность и ханжество (Шевченко, 2010), однако по большей части здесь присутствуют смыслы, образующие оппозицию по тому или иному признаку: мать и отец (Листрова-Правда, 1999), гордость и стыд (Малахова, 2011), бог и дьявол (Передриенко, 2006), жизнь и смерть (Пономарева, 2008), память и забвение (Сабадашова, 2011), великое и ничтожное (Боева-Омелечко, 2013), лицемерие и искренность (Храмова, 2010), glory и disgrace (Русина, 2008) и пр.

Исследовательский интерес ко вторым членам оппозитивных пар, получивших название «антиконцептов», возник где-то на десяток лет позже интереса к первым членам этих пар – концептам. С начала нулевых появился целый ряд работ, в которых теоретически осмысливалась функциональная предназначенность концептуальных пар, их семантическая структура и взаимоотношения их членов, а также средства их вербализации (Новодранова, 2007; Гуреева, 2007; Степанов, 2007; Приходько, 2013; Боева-Омелечко, 2014; Буженинов, 2017 и др.).

В ходе исследования концептуальных биномов были установлены их базовые свойства и основные черты входящих в них противосмыслов – антиконцептов, разработаны принципы их классификации.

Так, по общему мнению, двоичная противопоставленность представляет собой универсальную и антропоцентричную

характеристику бытия, сознания и языка (Малинович, 2011: 61; Соловьева, 2016: 4). В онтологии этот экзистенциальный дуализм проявляется в категориях янь и инь, космоса и хаоса, мира и антимира, вещества и антивещества. Бинарные оппозиции в мышлении проявляются первыми и заложены у человека на бессознательном уровне (Соловьева, 2016: 7), они позволяют описывать любую картину мира¹. В то же самое время бинарные противопоставления соотносимы с синергетическими понятиями симметрии и асимметрии, лежащими в основе саморазвития систем.

Установлено, что в логико-философском плане бинарное противопоставление представляет собой семантический аналог антонимии (Новиков, 1973: 29; Боева-Омелечко, 2013: 124; Гуреева, 2007: 17), а смысловая структура оппозитивных биномов находится со структурой соответствующей антонимической парадигмы в отношении гомоморфизма. Отношения противостоящих членов подобных семантических биномов характеризуются контрарностью и взаимообусловленностью, они входят в одну и ту же семантическую область.

Относительно сути противопоставления членов биннома и, соответственно, относительно понимания и определения концепта и антиконцепта сложились две основных точки зрения. Согласно одной, предельно широкой, антиконцепт противопоставляется концепту внутри оппозитивной парадигмы по любому, неважно какому, признаку, когда антиконцепт – это просто «концепт, противопоставленный какому-то другому концепту» (Степанов, 2007: 20–21). Согласно другой, более узкой точке зрения, в основе противопоставленности концепта и антиконцепта лежит аксиологический признак, когда антиконцепт исключительно отражает какую-то антиценность (Приходько, 2013:

¹ Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. М.: Аграф, 2001. С. 50.

67). Можно заметить, что «ценностная» точка зрения на противопоставленность концепта и антиконцепта несколько уязвима, поскольку любой концепт, а тем более лингвокультурный, формируется в сознании как «сгусток культуры в сознании человека» (Степанов, 1997: 40) лишь в том случае, если он представляет собой для человека определенную ценность: обладает свойством удовлетворять или препятствовать («антиценность») удовлетворению какой-либо его потребности. В то же самое время можно видеть концептуальные пары, в которых оба члена принадлежат одной и той же аксиологической области и обладают одинаковым оценочным знаком – гипертония и гипотония, например, а антиценности способны удовлетворять потребности человека – наркотики и порнография, например. В любом случае смысловое противопоставление осуществляется в границах общей для концепта и антиконцепта семантической области, которая получает название «метаконцепта» (Ларина, 2011: 5), «мезоконцепта» (Приходько, 2013: 68), «лингвокультурной идеи» (Воркачев, 2007: 19) и пр.

Антиконцепты, как и концепты, получают свою типологию и классификацию: по признаку кванторности выделяются универсальные, этноспецифические и индивидуальные антиконцепты, по форме присутствия в оппозитивном биноме положительные члены выделяются антиконцепты с эксплицитным, имплицитным и лакунарным контрагентом (Приходько, 2013: 74).

В ходе рассмотрения оппозитивных концептуальных биномов были установлены основные специфические свойства антиконцептов на фоне их противочленов – концептов (Буженинов, 2017: 167; Гуреева, 2007: 17), такие, как: 1) вторичность, производность от концепта; 2) более сложная семантическая структура и её большая наполненность; 3) большая номинативная плотность (вербализованность, объективированность), обязательность номинации; 4) несводи-

мость к антонимии, которая служит лишь средством его выражения.

Научные результаты и дискуссия

Инвариантные свойства антиконцептов устанавливались, главным образом, на материале терминологических систем – медицинской (Буженинов, 2017; Новодранова, 2001) и спортивной (Гуреева, 2007). Думается, было бы любопытно выяснить еще и то, как эти свойства представлены в области абеляровских концептов наиболее высокого уровня абстракции, с которых, собственно, и пошла быть концептология, – в обыденных аналогах этических терминов (Арутюнова, 1999: 617) и мировоззренческих универсалий, в которых концентрируются ценности культуры². Для описания семантики подобных абстракций высшего уровня, постигаемых умозрительно и обладающих многослойной и разнокачественной смысловой структурой, когнитивная методика, разработанная для изучения предметно-событийных концептов (Бабушкин, 1996: 43–68), оказывается недостаточной, её приходится дополнять методами лингвокультурологического анализа (Воркачев, 2011: 69). Семантические признаки выделяемых в семантическом составе положительных членов оппозитивных биномов – концептов могут не находить симметричного отражения в семантическом составе отрицательных членов – антиконцептов, причем это может происходить на уровне каждой их оставляющей («слоя» – Степанов, 1997: 45).

В основе семантической оппозитивности, как и в основе антонимии (Новиков, 1973: 31), лежит отношение противоположности (контрарности), которое, помимо дополнительности (комплементарности) как покрытия членами оппозиции всей семантической области родовой категории («живой» – «мертвый»), может отправлять к градуальному нарастанию или убыванию

² Степин В. С. Культура // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 343.

признака в границах родовой категории, что допускает существование в оппозитивной схеме еще и третьего – среднего и оценочно нейтрального члена, что превращает бинум в тернарную конструкцию. Так, желание противостоит не только нежеланию как активному отращению, но и безразличию (Воркачев, 2011а: 16), а любовь противостоит не только ненависти, но и равнодушию (Воркачев, 2011а: 217). Тернарную структуру, например, образует «градиент концепт» (Лунцова, 2008) «дружба – мир – вражда».

Как представляется, особый интерес вызывает исследование таких культурно значимых «антисмыслов», как несчастье, несправедливость и неблагодарность, тем более что положительные смыслы, которым они противостоят, были автором уже достаточно подробно описаны (Воркачев, 2004; Воркачев, 2020: 7–118, 119–224).

Несчастье

В лексической системе русского языка симметрия счастья и несчастья носит исключительно формальный, морфологический характер: на содержательном уровне несчастье антонимом счастья по большому счету не является. В первом же приближении несчастье, как, впрочем, и счастье, распадается на две семантические разновидности: несчастье «внешнее» – неблагоприятные и вредоносные для человека события и обстоятельства и несчастье «внутреннее» – эмоциональное переживание этих событий и обстоятельств (Степанов, 1997: 267). Оба этих несчастья входят в разные синонимические ряды: несчастье «внешнее», которое можно назвать двандвой «несчастье-беда», входит в ряд *беда, бедствие, напасть, лихо, поруха, злключение, злсчастье, невзгоды, неудача, невезенье*, а несчастье «внутреннее», которое можно назвать двандвой «несчастье-горе», – в ряд *горе, горесть*. В то же самое время в речи лексема «несчастье» достаточно часто передает эти два значения нерасчлененно, что дает основания изучать несчастье как

«эмотивно-событийный концепт» (Мальцева, 2009). Нужно, однако, заметить, что в речи лексема «несчастье» в чисто эмоциональном значении встречается совсем не часто (Татаркевич, 1981: 98), что отражается на структуре словарной статьи «несчастье» в толковых словарях русского языка, где сначала идет событийное значение «беда», а только потом идет эмоциональное значение «горе»^{3,4,5}. Можно также отметить, что в семантическом составе «внешнего» несчастья нет ассоциаций с невезением, включенных в семантику счастья-удачи, а в семантическом составе «внутреннего» несчастья отсутствуют вероятностные ожидания, присущие радости (Воркачев, 2004: 136–137).

Философы древности обходились лишь счастьем, под которым они понимали некий идеальный эталон жизни, а отклонение от этого идеала – несчастье их не интересовало и рефлексии по поводу несостоятельности судьбы в их рассуждениях, очевидно, не было: «Негативный термин “несчастье” является особенностью современных языков. Философы говорили о счастье чаще всего в смысле идеала, а не характеристики жизни, поэтому они могли оперировать одним словом “счастье”, обходясь без его противоположности» (Татаркевич, 1981: 98–99). Думается, однако, что игнорировали они несчастье как объект изучения совершенно напрасно, тем самым ограничивая свой потенциал познания, поскольку, если идеал один, то отступлений от него бесконечное множество: «ошибаться можно различно (ибо зло беспредельно)» (Аристотель, 1998: 178),

³ Несчастье // Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. С. 643.

⁴ Несчастье // Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1953. С. 367.

⁵ Несчастье // Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Астрель-АСТ, 2000. С. 556.

поэтому, наверное, «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» (Л. Н. Толстой).

Пожалуй, наиболее значимым отличием несчастья от своего положительного противосмысла выступает его бóльшая конкретность: в подавляющем большинстве случаев несчастье – это вполне конкретное событие или вполне конкретные обстоятельства, причиняющие человеку боль, огорчение, расстройство, заставляющие его страдать. На уровне языка это отличие проявляется в способности лексемы «несчастье» принимать форму множественного числа, невозможную для счастья: «Слово “счастье” не имеет множественного числа, а “несчастье” – имеет» (NN); «Несчастья опадают, словно листья, / и человек стоит и гол, и тверд» (С. Петров); «Несчастья – были. Умирили други. / Землетрясения крушили города» (Б. Слуцкий); «Испытал я несчастья и ласку, / стал потише, помедленней жить (Я. Смеляков); «От притеснений на земле все беды и несчастья (А. Адалис). Существует также мнение, что несчастье отличается от счастья еще и бóльшим постоянством и интенсивностью: «Счастье мимолетно, его трудно удержать; несчастье же, наоборот, отличается постоянством и редко бывает непродолжительным»; «Несчастье более интенсивно, чем счастье, а поэтому и более продолжительно: на несчастье не действует время; время излечивает боль, страдания, но не несчастье» (Татаркевич, 1981: 99–100).

Как представляется, бóльшая конкретность несчастья на фоне своего положительного противочлена позволяет усомниться в универсальности тезиса о производности антиконцепта от концепта, поскольку здесь он входит в прямое противоречие с базовым гносеологическим постулатом о первичности в познании именно конкретного: и в филогенезе, и в онтогенезе человек сначала на физиологическом и интуитивном уровне, на

уровне боли и страдания составляет представление о несчастье, а уж только затем у него формируется понятие идеальной жизни и судьбы.

Безусловно, несчастье нерасторжимо связано со своим положительным противосмыслом: оно выступает контрастным фоном для счастья и его условием, в то же самое время конкретные несчастья-неблагоприятные события могут не оказывать на удовлетворение жизнью в целом никакого влияния. Так, несчастье переживается с особой остротой при воспоминаниях о счастливых временах (Nessun maggior dolore che ricordarsi del tempo felice nella miseria – Dante), а в русской культуре невозможно оценить должным образом свое счастье, не испытав несчастье (Воркачев, 2012: 72) – «Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам, / Не испытав его, нельзя понять и счастья» (Е. Баратынский), а в отечественном православии к блаженству ведет страдание: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5: 4). Парадокс «русского счастья» заключается еще и в том, что наибольшее ощущение счастья переживается человеком именно в самые сложные для него моменты, наполненные неблагоприятными событиями, т. е. несчастьями: войнами, революциями, катастрофами.

В семантическом составе счастья, помимо рационального момента – рефлексии по поводу успешности собственной жизни, обильно присутствует момент эмоциональный – переживание степени соответствия своей жизни её желанному идеалу, и переживание это поддается, как и большинство эмоциональных проявлений, градуации: оно соотносится либо с пронзительной радостью, либо с тихим удовлетворением (Татаркевич, 1981: 1000). В этом случае «фелицитарная логика» может стать трехзначной, включив в число операторов, помимо «высокого и огненного счастья» (А. Ахматова) и несчастья, еще и «средний член», получающий обычно имя благополучие (англ. well-being, фр. bien-

être, укр. добробут). Психологически такая структура вполне объяснима, поскольку благополучие чаще всего принимается за норму и не замечается, как здоровье (Татаркевич, 1981: 99): «Счастье – как здоровье: когда его не замечаешь, значит оно есть» (И. Тургенев). В то же самое время в этой логике несчастье как неблагоприятные события может выноситься за скобки, и тогда здесь останется противопоставление «высокого счастья» и «мещанского благополучия» (Воркачев, 2012: 71; Карасик, 2013: 155–156;), уравниваемого с несчастьем, подвига и скуки у людей романтического либо пассионарного склада личности, которым, как герою пьесы А. Островского актеру-трагика Геннадию Несчастливцеву, в отсутствии неприятностей «удавиться хочется».

В психологические фелицитарные теории, где под счастьем понимается обоснованная удовлетворенность жизнью в целом (Татаркевич, 1981: 41; Аргайл, 1990: 5–6), вполне симметрично вписывается несчастье как отсутствие подобной удовлетворенности – неудовлетворенность (Татаркевич, 1981: 99–100). Состояние несчастья, как и состояние счастья, в первую очередь зависит от той фелицитарной концепции (Воркачев, 2004: 62–77), которую разделяет человек, а выбор этой концепции в свою очередь зависит от типа личности, определяющего жизненные установки человека.

Так, для носителей гедонической концепции счастья, усматривающих высшее благо в наслаждениях, и для носителей её ослабленного варианта – эпикурейской концепции, для которых счастье – это отсутствие несчастья («Счастье состоит не столько в наличии удовольствия, сколько в отсутствии страдания» – А. Шопенгауэр), удовлетворенность жизнью в целом аннулируется событиями, приносящими продолжительные физические или моральные страдания, которые выступают здесь в функции факторов несчастья. В то же самое

время для носителей пассионарной фелицитарной концепции факторами несчастья будут скука и рутинность – отсутствие значимых событий, в том числе и неблагоприятных. Для последователей стоицизма – сторонников фелицитарной концепции добродетели счастье состоит в следовании нравственным принципам, а несчастье, соответственно, в отступлении от них, беда только в том, что эмоции, (а счастье, главным образом, – эмоциональное состояние), неподконтрольны воле человека, и достаточно сомнительно, чтобы чувство удовлетворенности жизнью в целом можно было бы вызвать только осознанием выполненного долга. Для редких сторонников телеономной концепции счастья как «меры достижения смысла жизни» (Попов, 1986: 9) или реализованности человеком своего предназначения несчастье, соответственно, – это невозможность самореализации, невозможность «состояться», соответствовать своему жизненному призванию и своей миссии. Можно еще раз отметить, что множественность представлений о счастье обуславливает тот факт, что отдельные неблагоприятные события не могут перекрыть конечного, «холодного» удовлетворения жизнью в целом.

Несправедливость

Справедливость вместе с благодарностью для Дж. Локка представляется эталоном, образцом абстрактной категории – «отвлеченной идеей добродетели» (Локк, 1985, т.1: 493). Она «не имеет реального, онтологического существования – есть лишь нормы и представления об идеале» (Кучуради, 2003: 20). В то же самое время её «антипод» – несправедливость существует реально, она конкретна, её легко можно увидеть, это «некоторое положение вещей» (Кучуради, 2003: 20). И, наверное, совсем неслучайно на просьбу привести пример несправедливости в опросной анкете респонденты советуют составителю анкеты «кругом посмотреть» (Воркачев, 2009: 126). Психологически, и в онтогенезе, и в филогенезе несправед-

ливость как «всяческое зло» (Платон, 1971, т.3: 240), встреча с которым «нас приводит в ярость... и доводит до иступления» (Зайцев, 1999: 148), опережает и по времени формирования и по интенсивности переживания свой положительный семантический противочлен (Рикёр, 2005: 13), который на её фоне имеет достаточно «бледный вид» (Дубко-Титов, 1989: 164), т.е. здесь, как и в случае счастья-несчастья, антиконцепт «производит» концепт: «С тех пор, как человек понял – он живет в несправедливом мире, он начал искать справедливость» (Г. Козинцев).

Если для абстрактного имени «справедливость» множественное число – это, скорее, экзотика, отклонение от нормы и неологизм («За стенками склянок столько тайн. / Ты знаешь высшие *справедливости*. / Аптекарь, / дай / душу / без боли / в просторы вывести» – В. Маяковский), то в пользу конкретного характера имени «несправедливость» свидетельствует легкость, с которой оно принимает форму множественного числа: «Этот источник – отсутствие любви в человеке – порождает все *несправедливости*, как в плане личном, так и в плане социальном» (А. Осипов); «Поистине величайшие *несправедливости* совершаются теми, кто стремится к излишествам, а не теми, кого гонит нужда» (Е. Съянова). В то же самое время несправедливость вполне предметна и объектна – она творится и совершается: «Сам государь не знал, что *творит несправедливость*» (С. Волконский); «После чего они с легким сердцем *совершили* свою обычную *несправедливость*: влетело брату словесно, а мне иным образом» (С. Алешин). О конкретности несправедливости косвенно свидетельствует также её преобладающий логико-психологический категориальный статус: в речи имя «несправедливость», прежде всего, квалифицируется как ощущение (Воркачев 2020: 94): «У нее родилось стойкое *ощущение* чудовищной *несправедливости*, убеждение, что красота ее недоплачивается» (Ф. Искандер);

«Например, *ощущение несправедливости*, которое я испытывал с раннего детства – речь идет о социальной несправедливости в чистом виде, – создавало во мне определенный критический настрой» (Б. Немцов).

Наблюдения над речевым употреблением имени «несправедливость» в НКРЯ⁶ показывают, что в отсутствие развернутого определения несправедливости она толкуется преимущественно через отождествление с такими из её семантических признаков, как неравенство, пристрастие и незаслуженность: «*Несправедливость неравенства*, о которой я неясно думал и прежде, вдруг представилась мне с такой очевидностью, как будто я отвечал за нее» (В. Каверин); «За них и прощаешь *несправедливость*, исходно заложенную в *неравенстве*» (Л. Зорин); «Сначала она ко мне благоволила, выказывала даже *пристрастие*, которое коробило меня, так как было *несправедливостью* по отношению к другим, а дома благодаря отношению родителей к детям во мне развилось чувство равенства и потребность в нем» (В. Фигнер); «Нельзя не увидеть возмутительную и кощунственную *несправедливость: несоответствие между достоинствами и недостатками людей*, и облегающими их, одних соболями, других лохмотьями» (М. Агеев).

В то же самое время специфические категориальные признаки справедливости (Воркачев, 2020: 113) в семантике её противочлена получают зеркальное отражение, но с противоположным аксиологическим знаком: мерность воздаяния представлена отсутствием меры («*Мера* везде нужна. Жестокость, *несправедливость* – это гнусные крайности» – А. Шеллер-Михайлов), универсальная социальность – конфликтогенностью, криминогенностью и деструктив-

⁶ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 21.04.2021).

ностью для общественных связей («Нуждались ли люди в сверхъестественном откровении, – восклицает Гольбах, – чтобы узнать, что справедливость необходима для сохранения общества и что *несправедливость создает только скопища врагов, старающихся вредить друг другу?*») – Г. Плеханов).

Несправедливость, безусловно, – категория оценочная, и как любая оценка поддается градуации: эмфатизируется, называется *большой, вящей, крупной, великой, величайшей, громадной, огромной, колоссальной, крайней, чрезвычайной, безграничной, безмерной, невиданной, неслыханной, поразительной, совершенной, абсолютной, явной, всяческой* и пр. («Это была *большая несправедливость*, лишившая пенсий десятки тысяч человек» – А. Бовин; «О нет, это *величайшая несправедливость* – предпочть мне бессловесного Жака!» – М. Булгаков) и деэмфатизируется, называется *малой, мелкой, определенной, обычной* и пр. («Он преисполнен любви к человеку, ко всему человеческому роду. *Малейшая несправедливость* больно ранит его» – В. Кормер; «Поддавляет *мелкая несправедливость*, подлость ближнего, разгул пороков и господство грубой силы» – Н. Никулин). Эмфатизация несправедливости активно осуществляется также лексическими единицами, производными от эмоционально окрашенных имен – *ужасная, страшная, жуткая, чудовищная, дикая* и пр.: «*Ужасная несправедливость*: мужчины краснеют до шестидесяти лет, женщины – до шестнадцати» (А. Мариенгоф); «Какое ужасное невежество и какая *страшная несправедливость!*» (Н. Лесков); «Совершается *чудовищная несправедливость*, на фоне которой потеря земли и дома кажется пустяком» (В. Краснова). Еще активнее она эмфатизируется метафоризированными лексическими показателями – *глубокая, горькая, тяжкая, жгучая, беспросветная, вопиющая, жестокая, немилосердная, зверская, грубая, злая, глупая, наглая, бессмысленная, безумная, упорная,*

беззащитная и пр.: «Как министр сельского хозяйства, ощущаю это особенно остро и считаю *глубочайшей несправедливостью*» (С. Павлов); «Понимал, что *горькая несправедливость* требует иных поступков, чем жалкие подачки» (К. Паустовский); «И очень часто слишком долгий мир накапливает собою *тяжкую социальную несправедливость*, из которой нет выхода» (М. Меньшиков); «Но слезы вскипали вновь и вновь – не от предстоящей солдатчины, а от *жгучей несправедливости*, учиненной над ним отцом» (Ю. Нагибин).

Несправедливость отличается крайней эмоциогенностью, она вызывает разнообразные вербальные и поведенческие реакции. Зрелище несправедливости вызывает у человека целый спектр отрицательных эмоций различной интенсивности, начиная от огорчения и раздражения и заканчивая ненавистью и яростью («Меня *огорчает несправедливость* людей» – П. Яковлев; «Человеческое сердце *скорбит*, видя вокруг себя торжество зла, *несправедливости*, оно не может примириться с неправдою жизни мирской» – В. Свенцицкий; «Он был в переделках и похуже этой, но *возмуцала несправедливость*» – А. Н. Толстой; «Ты дрожишь от *негодования* на людскую *несправедливость*: слагай это в своем сердце» – Н. Лесков; «У меня тоже были круглые глаза, и я тоже трясся от возбуждения, но это был не страх, а *ярость на несправедливость* судьбы» – В. Ломов). Несправедливость также вызывает эмоции, связанные с уничтожением личного достоинства человека – *обиду, унижение, оскорбление* («Однако его не могли не *обижать* сухость и *несправедливость* отца» – К. Куприна; «Значение приговора комиссии Карнеги имело для болгар тем большее значение, что мы нашли Болгарию подавленной и *униженной жестокой несправедливостью* Бухарестского договора» – П. Милуков; «Наконец, *оскорбленный несправедливостью*, я сказал что-то неприятное главной инспекторше;

меня посекали розгами, и я пришел в отчаяние!» – Ф. Булгарин), она причиняет мучения и страдания («К тому же его мучила несправедливость – ведь детеныши хоть в детстве поплавали, а взрослые?» – А. Олейников); «Да, да, папахен; мы с тобой вообще много страдаем от людской несправедливости» – Д. Мамин-Сибиряк). Несправедливость вызывает физиологические и соматические проявления эмоций – плач, вопли, прерывистое дыхание, покраснение, жар, тошноту, ступор, боль и пр. («Внутри все горело от несправедливости, а надо придавить в себе амбиции, иначе будет только хуже» – Н. Бестемьянова; «Но тошнота от несправедливости, даже не касавшейся лично его, поднялась в нем до той высоты, когда уже не хочется и жить» – А. Солженицын; «Мне от несправедливости больно, – рассуждал Женя, отчаянно жестикулируя» – Т. Крюкова). Реакция на несправедливость проявляется не только вербально, в виде жалоб, сетований, роптания, укоризны («Он рассказал о ссоре своей с Годуновым, горька жалуюсь на несправедливость царя» – А. К. Толстой; «Враги Суворова радовались; доброжелатели сетовали на несправедливость; в армии негодовали» – С. Григорьев), но и поведенчески, в форме протеста, бунта, мести («Ее черные глаза метали молнии – в данный момент она протестовала против всей несправедливости, творившейся в мире» – Т. Тронина; «Человек никогда не мог примириться с тем, что он смертен. Бунтовал против чудовищной, бессмысленной несправедливости судьбы» – Е. Парнов; «Крысолов – символ жесточайшей мести за малейшую несправедливость» – А. Иванов).

Если «из всех добродетелей самая редкая – справедливость» (Грильпарцер), то её антипод несправедливость – повсеместна, вездесуща и вековечна («Разговаривал с Савостиным насчет жизни и несправедливости, повсюду царящей» – В. Гельфанд; «Везде одна несправедливость, да притеснение, да злодейство» –

И. Тургенев; «Пишу о Толстом и жалуясь, через него, на вечную несправедливость во всех людях» – В. Катанян; «Вековая несправедливость, от одного этого запишешься в феминисты» – В. Аксенов), она неизбежна и неустранима («Блат, как и несправедливость в России, неустрабимы при любой власти» – В. Баранец; «Вы понимаете, Василий Васильевич, тут ужасная несправедливость – кит, которого ничем не сдвинешь» – А. Ремизов).

Речевое употребление имени «несправедливость» свидетельствует также о том, что в этой категории отражаются возрастные характеристики ее протагонистов: человек особенно чувствителен к проявлениям несправедливости в юности («Всякая несправедливость острее всего ощущается в молодости» – В. Быков-О. Деркач; «Конечно, он не мог не почувствовать несправедливости, что в молодые годы особенно ранит» – К. Кожевникова).

Неблагодарность

Если благодарность – «самая похвальная из всех добродетелей» (Дж. Бокаччо) и «прекраснейший из цветков души» (Г. Бичер), то её антипод, неблагодарность, соответственно – «худший из пороков» (Т. Фуллер) и «роскошь хама» (Ф. Искандер).

«Номинативная плотность» лексических показателей благодарности не особо велика, но она, безусловно, имеет место: в синонимический ряд благодарности в русском языке входят имена «благодарность» и «признательность», а также выражения «спасибо», «благодарю (покорно)», «благодарствуйте (благодарствую)», «очень (премного) благодарен», «признателен», «мерси» (Воркачев, 2018: 9). В то же самое время неблагодарность никаких других средств выражения кроме производных от основы «неблагодарн-» не имеет и, тем самым, у «неблагодарности» отсутствуют внеконтекстные синонимы.

Если в индоевропейских языках оппозитивное семантическое единство

«благодарность-неблагодарность» образуется лексическим отрицанием одной и той же основы (лат. *gratia-ingratia*; греч. *εὐχαριστία-ἀνεὐχαριστία*; фр. *gratitude-ingratitude*, нем. *Dankbarkeit-Undankbarkeit*, укр. *вдячність-невдячність* и пр.), то в турецком языке, например, члены этого единства образуются супплетивно, от разных основ: *şükran-nankörlük*, и, нужно сказать, это имеет под собой определенные основания, так как в семантике неблагодарности столько же, если не больше, характеристик, не связанных с общими с благодарностью антонимическими, отрицаемыми признаками (Воркачев, 2020: 198–199). Действительно, в то время как чувство благодарности вызывается осознанием благодеяния и связанного с ним морального обязательства, в семантике неблагодарности присутствует забвение благодеяния либо усмотрение корыстной мотивировки в действиях мнимого благотворителя. Чувство признательности здесь замещается безразличием либо враждебностью. Неблагодарность отмечена противоположной благодарности направленностью: если благодарность идет от облагодетельствованного к благотворителю, то неблагодарность – это уже реакция благодетеля на отсутствие ожидаемой благодарности. Если функционально благодарность – регулятор межличностных отношений и в определенной мере гарант социального мира, то её антипод – конфликтогенное моральное качество⁷, разрушающее добрые отношения между людьми.

Наблюдения над речевым употреблением имени «неблагодарность» в НКРЯ⁸ позволяют выделить и другие свойства этого антиконцепта.

Так, неблагодарность, как и её антипод (Воркачев, 2020: 161), – это семиотическая категория, план выражения которой представлен чаще всего какой-либо эмоциональной реакцией или враждебным действием. В качестве крайне отрицательного морального свойства получателя благодеяния неблагодарность вызывает отрицательную реакцию, как у благотворителя, так и у постороннего наблюдателя. Она вызывает, прежде всего, возмущение, негодование, обиду и досаду: «Согласитесь, что нельзя не *возмутиться* подобной *неблагодарностью*» (П. Чайковский); «Днем страх прошел. Осталась только *обида* на *кошачью неблагодарность*» (А. Яшин). Из речевых актов, вызываемых неблагодарностью, чаще всего встречаются обвинение, упрек и укор, жалоба: «Домовой продолжал его укорять, *обвиняя* в *черной неблагодарности*» (И. Бояшов); «Вы *упрекаете* русский народ в *неблагодарности* и тем самым лишаете его величия» (Н. Рерих); «Гинтерштейн принялся *жаловаться* на *неблагодарность* Федора Михайловича, не желающего уплатить долг, который он так долго на нем терпел» (А. Достоевская). Нередко реакция на неблагодарность проявляется в стыде, ужасе, удивлении, оскорблении, страдании: «Нет, – сказал я, *стыдясь своей неблагодарности*, – я его жду» (Ф. Искандер); «Вот почему, если они снова сойдут на арену, они *ужаснутся* людской *неблагодарности* и пусть останутся при этой мысли, пусть думают, что это одна неблагодарность» (А. Герцен); «Все это припомнил теперь Спирька и мог только *удивляться* *черной неблагодарности* переселенцев» (Д. Мамин-Сибиряк).

Атрибутивное расширение имени «неблагодарность» (*чудовищная, гнусная, мерзкая, бесстыдная, низкая, подлая, адская, хамская, возмутительная* и пр.) в первую очередь указывает на эмфатизацию реакции на отсутствие должного ответа на благодеяние. В то же самое время почти в половине случаев подобного расширения

⁷ Козлов Н. И. Благодарность. URL: <http://www.psychologos.ru/articles/view/blagodarnost> (дата обращения: 07.01.2021).

⁸ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 21.04.2021).

«неблагодарности» присутствует прилагательное – скорее, эпитет – «черная»: «Зачем же ты, солнышко мое, платишь мне за это *черной неблагодарностью?*» (Е. Шварц); «Думаю, авось опомнится; не хочется, знаете ли, верить злу, *черной неблагодарности* в человеке» (И. Тургенев). Определение «черная» помимо эмфатизации означает не просто отсутствие ответной реакции на благодеяние, а проявление враждебности по отношению к благотворителю (Воркачев, 2018: 11): «Русские ответили мне *черной неблагодарностью*, заключивши союз с Англией и Францией против меня» (В. Шульгин); «Хозяинов отплатил ему *черной неблагодарностью*. В январе 1953 года, когда на партийном собрании ИФП обсуждалось “дело” врачей, Хозяинов бил себя в грудь и рассказывал, как Ландау плохо им руководил» (И. Халатников).

Неблагодарность – повсеместное и достаточно заурядное свойство человеческой натуры («*Людам свойственна неблагодарность*. Им свойственно забывать первопроходцев» – А. Проханов), русский паремический фонд наполнен пословицами, отражающим скептицизм относительно человеческой благодарности: «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным»; «Припомню я тебе доброхотство твое»; «Не делай добра – не получишь зла»; «За добро не жди добра»; «Если не хочешь от людей зло получить, не делай им добро» и пр.

Заключение

Особый исследовательский интерес в области множественных смысловых комплексов вызывают семантические бинумы – концептуальные пары, в состав которых входят преимущественно смыслы, образующие оппозицию по тому или иному признаку. Исследование вторых членов оппозитивных пар, получивших название «антиконцептов», началось где-то на десяток лет позже изучения первых членов этих пар – концептов. В ходе исследования концептуальных бинумов были установлены базовые свойства входящих в них противосмыслов. Относительно сути

противопоставления членов бинума и, соответственно, относительно понимания и определения концепта и антиконцепта сложились две основных точки зрения. Согласно одной, предельно широкой, антиконцепт противостоит концепту внутри оппозитивной парадигмы по любому, неважно какому, признаку, согласно другой, более узкой точке зрения, в основе противопоставленности концепта и антиконцепта лежит аксиологический признак, когда антиконцепт исключительно отражает какую-то антиценность.

В ходе рассмотрения оппозитивных концептуальных бинумов среднего уровня (медицинских и спортивных терминов) были установлены основные специфические свойства антиконцептов на фоне их противочленов – концептов, такие, как: 1) вторичность, производность от концепта; 2) более сложная семантическая структура и её большая наполненность; 3) большая номинативная плотность (вербализованность, объективированность), обязательность номинации; 4) несводимость к антонимии, которая служит лишь средством его выражения, однако отношения между членами оппозитивных пар, образованных концептами наиболее высокого уровня абстракции, в которых концентрируются ценности культуры, таких, как несчастье, несправедливость и неблагодарность, требуют своего рассмотрения.

Наиболее значимым отличием несчастья от своего положительного противосмысла выступает его большая конкретность, которая на языковом уровне проявляется в способности лексемы «несчастье» принимать форму множественного числа, невозможную для счастья. Большая конкретность несчастья на фоне своего положительного противочлена позволяет усомниться в универсальности тезиса о производности антиконцепта от концепта, поскольку здесь он входит в прямое противоречие с базовым гносеологическим постулатом о первичности в познании именно

конкретного. Несчастье нерасторжимо связано со своим положительным противосмыслом: оно выступает контрастным фоном для счастья и его условием, в то же самое время конкретные несчастья – неблагоприятные события могут не оказывать на удовлетворение жизнью в целом никакого влияния. В семантическом составе счастья, помимо рефлексии по поводу успешности собственной жизни, присутствует момент эмоциональный – переживание степени соответствия своей жизни её желанному идеалу, и переживание это поддается градуации, а «фелицитарная логика» может стать трехзначной, включив в число операторов, помимо счастья и несчастья, еще и «средний член», получающий обычно имя «благополучие».

Если справедливость – образец абстрактной категории, то её «антипод» – несправедливость вполне конкретна, её легко можно увидеть, это некоторое положение вещей. Психологически, и в онтогенезе, и в филогенезе несправедливость опережает по времени формирования свой положительный семантический противочлен, т. е. здесь антиконцепт «производит» концепт. Если для абстрактного имени «справедливость» множественное число – это, скорее, экзотика, отклонение от нормы и неологизм, то в пользу конкретного характера имени «несправедливость» свидетельствует легкость, с которой оно принимает форму множественного числа. Специфические категориальные признаки справедливости в семантике её противочлена получают зеркальное отражение, но с противоположным аксиологическим знаком: мерность воздаяния представлена отсутствием меры, универсальная социальность – конфликтогенностью, криминогенностью и деструктивностью для общественных связей. Несправедливость отличается крайней эмоциогенностью, она вызывает разнообразные эмоциональные, вербальные и поведенческие реакции.

«Номинативная плотность» лексических показателей благодарности не особо велика, но она, безусловно, имеет место. В то же самое время неблагодарность никаких других средств выражения кроме производных от основы «неблагодарн-» не имеет. В семантике неблагодарности столько же, если не больше, характеристик, не связанных с общими с благодарностью антонимическими, отрицаемыми признаками. Неблагодарность – это семиотическая категория, план выражения которой представлен чаще всего какой-либо эмоциональной реакцией или враждебным действием. В качестве крайне отрицательного морального свойства получателя благодеяния неблагодарность вызывает отрицательную реакцию, как у благодетеля, так и у стороннего наблюдателя.

Таким образом, в психологическом плане формирование оппозитивных пар концептов высшего уровня начинается с отрицательного противочлена, когда вектор направлен от несчастья к счастью, от несправедливости к справедливости и от неблагодарности к благодарности. В то же самое время номинативная плотность средств выражения антиконцепта необязательно превышает номинативную плотность концепта, примером чего служит неблагодарность.

Список литературы

- Аргайл М. Психология счастья. М.: Прогресс, 1990. 336 с.
- Аристотель. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Мн.: Литература, 1998. 1392 с.
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: ВГУ, 1996. 104 с.
- Боева-Омелечко Н. Б. Средства вербализации сопряженных концептов «великое/ничтожное» в произведении Дж. Г. Байрона «Дон Жуан» // Научная мысль Кавказа. 2013. № 3. С. 123–126.
- Боева-Омелечко Н. Б. Концепт и антиконцепт как диалектическое единство //

Когнитивные исследования языка. 2014. № 18. С. 39–42.

Буженинов А. Э. Атиконцепт и концепт как структуры различных категорий в терминологии (на материале гомеопатической терминологии) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 167–171. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-167-171.

Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.

Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66. № 2. С. 13–22.

Воркачев С. Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре. Волгоград: Парадигма, 2009. 190 с.

Воркачев С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 5. С. 64–74.

Воркачев С. Г. Базовая семантика и лингвоконцептология: на стыке парадигм гуманитарного знания. Saarbrücken: LambertAcademicPublishing, 2011a. 540 с.

Воркачев С. Г. К эволюции языкового менталитета: «русское счастье» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия Филология. 2012. № 2 (18). С. 69–75.

Воркачев С. Г. Благодарность в лексикографическом представлении // Русистика без границы: Муждународно научно списание. София. 2018. № 1. С. 8–14.

Воркачев С. Г. Какою мерою мерите: идея воздаяния в лингвокультуре. М.: Флинта, 2020. 372 с.

Гуреева Е. И. Понятие «концепт» и «антиконцепт» (на материале спортивной терминологии) // Вестник ЧелГУ. 2007. № 8. С. 16–20.

Дубко Е. Л., Титов В. А. Идеал, справедливость, счастье. М.: МГУ, 1989. 191 с.

Зайцев С. А. К вопросу о понятии справедливости // Вестник Омского университета. 1999. № 4. С. 148–151.

Карасик В. И. Концептуализация благополучия // Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. С. 150–160.

Кучуради И. Справедливость – социальная и глобальная // Вопросы философии. 2003. № 9. С. 17–29.

Ларина М. Б. Корреляция концепта и антиконцепта в лингвокультуре (на материале концептов magic и glamour): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2011. 19 с.

Листрова-Правда Ю. Т. Концепты МАТЬ и ОТЕЦ в русских пословицах и поговорках // Язык и национальное сознание. Воронеж, 1999. № 2. С. 23–24.

Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1985.

Лунцова О. М. Градиент-концепт дружба – мир – вражда в русской и английской лингвокультурах (на материале лексики и фразеологии): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 21 с.

Малахова С. А. Личностно-эмоциональные концепты «гордость» и «стыд» в русской и английской лингвокультурах. Армавир: АГПА, 2011. 208 с.

Малинович Ю. М. Функционально-семантические категории бинарной оппозиции (лингвофилософский очерк) // Текстовая реализация функционально-семантических категорий и полей. Ростов н/Д., 2011. С. 50–69.

Мальцева Л. В. Эмотивно-событийный концепт «горе, беда, несчастье» в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 24 с.

Несветайлова И. В. Эмоциональные концепты «зависть» и «ревность» в русской и английской лингвокультурах. Армавир: АГПА, 2012. 176 с.

Новиков Л. А. Антонимия в русском языке: семантический анализ противоположности в лексике. М.: МГУ, 1973. 289 с.

Новодранова В. Ф. Концепты и антиконцепты в медицине // Научно-техническая терминология: Науч.-техн. реф. сб. № 2. М.: ВНИИКИ, 2001. С. 71.

Новодранова В. Ф. Концепты и антиконцепты и их репрезентация языковыми средствами // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М.; Калуга: Эйдос, 2007. С. 148–155.

Передриенко Т. Ю. Концепты бог и дьявол в русской и английской лингвокультурах (на материале паремий и афоризмов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 23 с.

Платон. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1971. 606 с.

Пономарева Е. Ю. Концептуальная оппозиция «жизнь – смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 24 с.

Попов Б. Н. Взаимосвязь категорий счастья и смысла жизни. М.: Наука, 1986. 91 с.

Рикёр П. Справедливое. М.: Гнозис-Логос, 2005. 304 с.

Русина Е. В. Бинарные концепты *glory* и *disgrace* в американской лингвокультуре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 19 с.

Сабадашова М. Г. Лексико-фразеологические способы выражения семантического единства «память/забвение» в русском и английском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 18 с.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Степанов Ю. С. «Понятие», «Концепт», «Антиконцепт». Векторные явления в семантике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М.-Калуга: ИП Кошелев, 2007. С. 19–26.

Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М.: Прогресс, 1981. 365 с.

Храмова Ю. А. Концептуальная диада «лицемерие-искренность» (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 21 с.

Шевченко И. С. Дискурсообразующие концепты викторианства: скромность vs ханжество // Когниция, коммуникация, дискурс: Междунар. электронный сб. науч. трудов. Харьков: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2010. № 2. С. 73–84. URL: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse> (дата обращения: 21.04.2021).

References

Argyle, M. (1990). *Psikhologija schast'ja* [Psychology of happiness], Progress, Moscow, Russia. (In Russian)

Aristotle (1998). *Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii* [Politics. Rhetoric. Poetics. Categories], Literatura, Minsk, Belorussia. (In Russian)

Arutyunova, N. D. (1999). *Jazyk i mir che-loveka* [Language and the world of man], Jazyki russkoj kul'tury, Moscow, Russia. (In Russian)

Babushkin, A. P. (1996). *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoj semantike jazyka* [Types of concepts in the lexico-phraseological semantics of language], Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, Voronezh, Russia. (In Russian)

Boeva-Omelechko, N. B. (2013). Means of verbalization of conjugated concepts “great/insignificant” in the work of G. G. Byron Don Juan, *Nauchnaj mysl' Kavkaza*, 3, 123–126. (In Russian)

Boeva-Omelechko, N. B. (2014). Concept and anti-concept as a dialectical unity, *Kognitivnye issledovanija jazyka*, 18, 39–42. (In Russian)

Buzheninov, A. Je. (2017). Anti-concept and concept as structures of various categories in terminology (based on homeopathic terminology), *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 167–171. (In Russian)

Vorkachev, S. G. (2004). *Schast'e kak lingvokul'turnyj kontsept* [Happiness as a linguocultural concept], Gnozis, Moscow, Russia. (In Russian)

Vorkachev, S. G. (2007). Linguistic and cultural conceptology: formation and prospects, *Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka*, 66 (2), 13–22. (In Russian)

Vorkachev, S. G. (2009). *Pravdy ishchi: ideja spravedlivosti v russkoj lingvokul'ture* [Look for the truth: the idea of justice in Russian linguistic culture], Paradigma, Volgograd, Russia. (In Russian)

Vorkachev, S. G. (2011). Russian linguistic and cultural conceptology: current state, problems, vector of development, *Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka*, 70 (5), 64–74. (In Russian)

Vorkachev, S. G. (2011a). *Bazovaja semantika i lingvokonceptologija: na styke paradigm gumanitarnogo znanija* [Basic semantics and linguoconceptology: at the intersection of humanitarian knowledge paradigms], Lambert Academic Publishing, Saarbrücken, Germany. (In Russian)

Vorkachev, S. G. (2012). Toward the evolution of linguistic mentality: “Russian happiness”, *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Serija Filologija*, 2 (18), 69–75. (In Russian)

Vorkachev, S. G. (2018). Blagodarnost' v leksikograficheskom pred-stavlenii, *Rusistika bez granitsi*, 1, 8–14. (In Russian)

- Vorkachev, S. G. (2020). *Kakomu meroju merite: ideja vozdzajanja v lin-gvokul'ture* [With the measure you use: the idea of retribution in linguistic culture], Flinta, Moscow, Russia. (In Russian)
- Gureeva, E. I. (2007). The concept of concept and anti-concept (based on sports terminology), *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 8, 16–20. (In Russian)
- Dubko, E. L. and Titov, V. A. (1989). *Ideal, spravedlivost', schast'e* [Ideal, justice, happiness], Moskovskij gosudarstvennyj universitet, Moscow, Russia. (In Russian)
- Zajcev, S. A. (1999). To the question of the concept of justice, *Vestnik Omskogo universiteta*, 4, 148–151. (In Russian)
- Karasik, V. I. (2013). Conceptualization of well-being, *Jazykovaja matritsa kul'tury* [Language matrix of culture], Gnozis, Moscow, Russia, 150–160. (In Russian)
- Kuchuradi, I. (2003). Justice – social and global, *Voprosy filosofii*, 9, 17–29. (In Russian)
- Larina, M. B. (2011). Correlation of concept and anti-concept in linguistic culture (based on the concepts of *magic* and *glamor*), Abstract of Ph. D. dissertation, Philology, Kemerovskij gosudarstvennyj universitet, Kemerovo, Russia. (In Russian)
- Listrova-Pravda, Ju. T. (1999) Concepts MOTHER and FATHER in Russian proverbs and sayings, *Jazyk i natsional'noe soznanie*, 2, 23–24. (In Russian)
- Locke, J. (1985). *Sochinenija: v 3 t.* [Works: in 3 volumes], Transl. by Savin, A. N., Mysl', Moscow, Russia. (In Russian)
- Luncova, O. M. (2008). Gradient-concept *friendship – peace – enmity* in Russian and English linguocultures (based on vocabulary and phraseology), Abstract of Ph. D. dissertation, Philology, Volgogradskij gosudarstvennyj universitet, Volgograd, Russia. (In Russian)
- Malakhova, S. A. (2011). *Lichnostno-emotsional'nye kontsepty «gordost'» i «styd» v russskoj i anglijskoj lingvokul'turah* [Personal-emotional concepts “pride” and “shame” in Russian and English linguistic cultures], Armavirskaja gosudarstvennaja pedagogičeskaja akademija, Armavir, Russia. (In Russian)
- Malinovich, Ju. M. (2011). Functional-semantic categories of binary opposition (linguophilosophical essay), *Tekstovaja realizacija funkcional'no-semantičeskikh kategorij i polej* [Text implementation of functional-semantic categories and fields], Rostov-on-Don, Russia, 50–69. (In Russian)
- Mal'tseva, L. V. (2009). Emotive-event concept *grief, misfortune* in the Russian language picture of the world, Abstract of Ph. D. dissertation, Philology, Novosibirskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet, Novosibirsk, Russia. (In Russian)
- Nesvetajlova, I. V. (2012). *Emotsional'nye kontsepty “zavist'” i “revnost'” v russskoj i anglijskoj lingvokul'turah* [Emotional concepts “envy” and “jealousy” in Russian and English linguistic cultures], Armavirskaja gosudarstvennaja pedagogičeskaja akademija, Armavir, Russia. (In Russian)
- Novikov, L. A. (1973). *Antonimija v russskom jazyke: semantičeskij analiz protivopozhnosti v leksike* [Antonymy in Russian: semantic analysis of opposites in vocabulary], Moskovskij gosudarstvennyj universitet, Moscow, Russia. (In Russian)
- Novodranova, V. F. (2001). Concepts and anti-concepts in medicine, *Nauchno-tehničeskaja terminologija* [Scientific and technical terminology], National Research Institute for Classification and Coding of Technical Information, Moscow, Russia, 2, 71. (In Russian)
- Novodranova, V. F. (2007). Concepts and anti-concepts and their representation by language means, *Kontseptual'nyj analiz jazyka: sovremennye napravlenija issledovanija* [Conceptual analysis of language: modern research directions], Ejdos, Moscow-Kaluga, Russia, 148–155. (In Russian)
- Peredrienko, T. Ju. (2006). Concepts *god* and *devil* in Russian and English linguistic cultures (based on proverbs and aphorisms), Abstract of Ph. D. dissertation, Philology, Ural'skij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet, Cheljabinsk, Russia. (In Russian)
- Plato (1971). *Sochinenija: v 3 t.* [Works: in 3 volumes], Mysl', Moscow, Russia. (In Russian)
- Ponomareva, E. Ju. (2008). Conceptual opposition “life – death” in poetic discourse (based on the poetry of D. Thomas and V. Bryusov), Abstract of Ph. D. dissertation, Philology, Tjumen'skij gosudarstvennyj universitet, Tjumen', Russia. (In Russian)
- Popov, B. N. (1986). *Vzaimosvjaz' kategorij schast'ja i smysla zhizni* [The relationship between the categories of happiness and the meaning of life], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

Ricaeur, P. (2005). *Spravedlivoje* [Le juste], Transl. by Skuratov, B., Gnozis-Logos, Moscow, Russia. (*In Russian*)

Rusina, E. V. (2008). Binary concepts of “glory” and “disgrace” in American linguistic culture, Abstract of Ph. D. dissertation, Philology, Volgogradskij gosudarstvennyj universitet, Volgograd, Russia. (*In Russian*)

Sabadashova, M. G. (2011). Lexico-phraseological ways of expressing the semantic unity “memory/oblivion” in Russian and English, Abstract of Ph. D. dissertation, Philology, Volgogradskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet, Volgograd, Russia. (*In Russian*)

Stepanov, Ju. S. (1997). *Konstanty. Slovar' russoj kul'tury. Opyt issledovanija* [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience], Jazyki russoj kul'tury, Moscow, Russia. (*In Russian*)

Stepanov, Ju. S. (2007). “Poniatie”, “Kontsept”, “Antikontsept”. Vektornye iavleniia v semantike [‘Notion’, ‘Concept’, ‘Anti-concept’. Vector phenomena in semantics], *Kontseptual'nyi analiz iazyka: sovremennye napravleniia issledovanii* [Conceptual analysis of language: Modern trends of research], IP Koshelev A. B. Publ., Eidos Publ., Moscow, Kaluga, Russia, 19–26. (*In Russian*)

Tatarkevich, V. (1981). *O schast'e i sovershenstve čeloveka* [O szczęściu. O

doskonałości], Transl. by Konovalova, L. V., Progress, Moscow, Russia. (*In Russian*)

Hramova, Ju. A. (2010). Conceptual dyad “hypocrisy-sincerity” (on the material of Russian and English languages), Abstract of Ph. D. dissertation, Philology, Volgogradskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet, Volgograd, Russia. (*In Russian*)

Shevchenko, I. S. (2010). Discourse-forming concepts of Victorianism: modesty vs hypocrisy, *Kognitsija, komunikatsija, diskurs* [Cognition, communication, discourse], V. N. Karazin Har'kovskij natsional'nyj universitet, Har'kov, Ukraine, 2, 73–84, available at: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse> (Accessed 21 April 2021).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Сергей Григорьевич Воркачев, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет, доктор филологических наук, профессор.

Sergey G. Vorkachev, Professor, Foreign Languages Department, Kuban State Technological University; Doctor of Philology (advanced studies), Professor.